

Глава 1. Принц - бездельник

—

Кто-то плакал у него в ухе, плакал без остановки, так что у него болела голова.

Это была единственная мысль, которая пришла Сяо Шаню в голову, когда он открыл глаза. Эти всхлипывающие рыдания впивались в его мозг, как иголки, и для него, человека с головокружением от болезни, это было невыносимо.

Однако, когда он увидел, кто плачет, его проклятие застряло в горле.

Потому что человек, плачущий так, будто он умер, был не кто иной, как его мать, Гу Жулань, нынешняя наложница Лань.

Гу Жулань была красива, но слаба характером; столкнувшись с проблемами, она ничего не могла сделать, кроме как плакать. Если бы не то, что вдовствующая императрица была ее тетей, а императрица — ее старшей двоюродной сестрой, с таким характером она бы не прожила долго, не говоря уже о том, чтобы родить сына и стать наложницей.

Так было и сейчас. Пока Сяо Шань держал глаза закрытыми, она тихо плакала; когда Сяо Шань открыл их, она схватила его руку и громко зарыдала, приговаривая сквозь слезы: «Мой бедный ребенок...»

Сяо Шань и так чувствовал себя неважно, у него кружилась голова, а тело было липким от холодного пота. Когда она так громко завывала, его голова словно взорвалась.

К счастью, хотя Гу Жулань была рассеянна и бесхребетна, ее старшая дворцовая дама, Цуй Шу, была очень здравомыслящей.

Цуй Шу увидела, что цвет лица Сяо Шаня был не очень хорош, и поспешила вперед, чтобы помочь Гу Жулань, мягко уговаривая ее тихим голосом: «Госпожа, принц только что очнулся. Не лучше ли подождать, пока он выпьет лекарство, прежде чем говорить?»

Она не произнесла ключевых слов, но в этом дворце их дворец Цзинлань был подобен решету, которое пропускало воздух повсюду. Если ее госпожа плакала здесь, это сразу же доходило до ушей других, и если это вызывало недовольство императора или императрицы, это было бы слишком большой потерей.

Гу Жулань тут же вспомнила, что Сяо Шань все еще болен. Она поспешно встала, со слезами на глазах взволнованно сказала: «Верно, он еще болен. Быстрее, быстрее, принесите лекарство, чтобы Его Высочество выпил».

Сяо Шань: «...» Не то чтобы он хотел слишком много думать, но он чувствовал, что эти слова были на удивление похожи на фразу «Далан, вставай, выпей лекарство»* и звучали немного жутко.

[*Эта фраза содержит культурную отсылку к одному из самых известных китайских классических романов – «Речные заводы». Это культовая и зловещая фраза, произнесенная персонажем Пань Цзиньянь. Она дала своему мужу У Далану отравленное лекарство под видом заботы, чтобы убить его и быть со своим любовником. В китайском языке эта фраза стала идиомой, символизирующей скрытую угрозу, предательство или смертельную опасность, замаскированную под заботу или благожелательность.]

Цуй Шу лично вышла и принесла готовое лекарство.

Сяо Шань почувствовал горький запах лекарства, и его нос невольно сморщился.

Он больше всего не любил пить эти вещи. Раньше одну проблему можно было решить одной пилюлей, а теперь это была большая чаша черного горького лекарства. Но когда он встретился с полными слез глазами Гу Жулань, он с трудом взял чашу с лекарством и выпил ее залпом. Он скорее выпьет лекарство, чем вынесет плач Гу Жулань.

Цуй Шу изначально хотела помочь Сяо Шаню выпить лекарство, но, увидев, что он не имеет такого намерения, тихо отошла в сторону.

Увидев, что Сяо Шань выпил лекарство, Гу Жулань успокоилась. Она села у кровати и посмотрела на Сяо Шаня, в ее голосе были нотки упрека, сострадания и обиды: «Ты действительно такой, даже если тебе не нравится этот брак, дарованный твоим отцом-императором, ты не должен так себя мучить. Когда тебе было шесть лет, ты тяжело заболел и чуть не умер. После стольких лет твое тело наконец-то окрепло, а ты снова начал глупо себя изводить...»

Сяо Шань: «...»

Гу Жулань вспоминала прошлое и сокрушалась о настоящем. Судя по ее речи, это займет не менее часа.

На самом деле он заболел не из-за брака. Он просто был беспокойным во сне, сбросил одеяло и простудился. Утром он почувствовал себя немного плохо, а когда пришел во дворец поклониться Гу Жулань, то, вставая, почувствовал головокружение и упал в обморок. Иначе он, взрослый принц, не лежал бы в боковом дворе дворца Цзинлань.

Но это произошло исключительно из-за того, что он не был достаточно осторожен в холодную весеннюю погоду, и никак не было связано с браком, дарованным императором.

При упоминании о дарованном браке, Сяо Шань еще ничего не чувствовал, но Гу Жулань была зла, взволнована и обижена.

Сяо Шаню в этом году исполнилось девятнадцать. Хотя он и носит титул князя Ли, он целыми днями бездельничает, либо играет в сверчков, либо ест, пьёт и развлекается. Император лично назвал его глупым и не поддающимся обучению, из-за чего знатные дамы и геры не желали приближаться к нему, боясь завязать какие-либо отношения.

Другие взрослые принцы уже имели в гареме достаточно жен и наложниц, а некоторые даже стали отцами. Только Сяо Шань был один, без даже наложницы или служанки.

Гу Жулань не раз отправляла к нему в постель дворцовых дам и геров, обученных любовным делам, но ее добрые намерения никто не оценил. Тогда Сяо Шань, увидев кого-то на своей кровати, подумал, что это убийца, и закричал от страха. Дело стало общеизвестным, и Сяо Шань даже заболел из-за этого, пил лекарства для восстановления здоровья почти полгода.

Позже император прямо сказал, что Гу Жулань действовала опрометчиво, и если она случайно испугает Сяо Шаня так, что он станет немощным, он никогда в жизни не женится.

Таким образом, Гу Жулань беспокоилась, но не осмелилась волноваться слишком сильно.

Она была встревожена, но Сяо Шань вел себя так, будто ничего не произошло.

Сяо Шань не беспокоился перед ней, и он откладывал брак перед императором, если это было возможно. Если ему показывали портрет, он находил кучу недостатков. Короче говоря, он был недоволен всем, из-за чего император был очень недоволен и продолжал игнорировать его.

Теперь все изменилось: император лично даровал Сяо Шаню брак, и это был Се Чжуй.

Кто такой Се Чжуй? Гер из генеральской семьи Се на Северной границе.

Если бы все было так, это был бы хороший брак, но проблема заключалась в том, что личность Се Чжуйа как гера была раскрыта военным врачом в военном лагере.

Говорят, что когда Се Чжуй было четырнадцать лет, он вырезал свою родинку между бровями и, под предлогом травмы лба, перевязал ее, чтобы выдать себя за своего брата, Се Чэня, и поступить в армию. В пятнадцать лет он совершил великий подвиг на границе, и сам император хвалил его как молодого и многообещающего, редкого военного таланта. Его будущее было безгранично.

Но дело в том, что не так давно, когда Се Чжуй был ранен и находился без сознания, а его лечил военный врач, на его поясице был обнаружен след в виде красного цветка.

У геров в этом мире при рождении есть красная родинка между бровями и красный цветок на пояснице.

Красную родинку можно вырезать и забинтовать, сказав, что это рана, но красный цветок на пояснице врос в плоть и кости. Если его действительно вырезать, придется удалить и кости, и тогда человек будет полностью искалечен.

Так Се Чжуй был раскрыт как гер, когда у него был обнаружен красный цветок на пояснице.

Не говоря уже о том, какую реакцию это вызвало в армии, просто новость об этом, дошедшая до столицы, потрясла императора на троне.

Преступление Се Чжуйя, вступившего в армию под чужим именем, было обманом императора, что каралось смертью. Но он совершил великие подвиги, и император не мог просто так избавиться от него, чтобы не охладить сердца пограничных генералов и солдат. После долгих раздумий он сначала издал указ о том, чтобы Се Чжуй прибыл в столицу.

Се Чжуй, едва прибыв в столицу, был помещен под домашний арест в большом особняке семьи Се.

Двор разделился на две фракции по вопросу о том, как поступить с Се Чжуем: одна утверждала, что Се Чжуй должен умереть, другая — что столько мужчин в Великой Чжоу не могут сравниться даже с гером, так о какой защите границы можно говорить? Только за это Се Чжуй должен быть награжден.

Император, у которого болела голова от их споров, какое-то время не знал, как поступить с этим деликатным делом. Император был немного зол на Се Чжуйя; если бы он действительно был Се Чэнем, все было бы просто. Если бы он умер и его личность гера была раскрыта, это тоже было бы нормально.

Теперь же Се Чжуй устроил такое громкое дело о вступлении гера в армию, что он сам оказался в затруднительном положении.

Се Чжуй пробыл под домашним арестом полмесяца, когда император, выслушав чей-то совет, внезапно принял решение. Се Чжуй совершил преступление обмана императора и должен был быть казнен, но он также совершил великие подвиги, и семья Се постоянно подавала прошения о помиловании. Даже если не смотреть на лицо монаха, то нужно посмотреть на лицо Будды, так что заслуги и недостатки должны были компенсировать друг друга.

Поскольку Се Чжуй был гером, император, принимая во внимание его заслуги, издал священный указ, даровав Се Чжуйя еще не женатому князю Ли, Сяо Шаню, в качестве главного супруга.

Этот указ императора потряс весь двор.

Существование геров всегда было неловким, ни высоким, ни низким. По красоте они не могли сравниться с женщинами, а по детородной способности они были еще дальше позади женщин; некоторые даже никогда не могли родить ребенка.

Издавна знатные семьи, заботясь о своих потомках, редко брали геров в качестве главных супругов.

Конечно, «редко» означает «довольно редко», а не «никогда».

Но никто не ожидал, что император дарует своему сыну гера в качестве главного супруга. Неужели он хотел прервать потомство князя Ли?

Более того, Се Чжуй ранее вырезал свою родинку и целыми днями общался среди мужчин, так что, должно быть, его постоянно трогали эти мужчины, и он уже давно был использован.

Как тот военный врач: если бы он не трогал его поясницу, как бы он определил его личность?

Жениться на таком гере — это все равно что сказать миру, что у тебя над головой огромное зелёное пастбище, по которому ты бежишь нагишом.

Такое, вероятно, не вынес бы ни один мужчина.

Как бы плоха ни была репутация Сяо Шаня, он все равно был честным и благородным третьим принцем, родным сыном императора, настоящим князем. Хотя у него была плохая репутация, его внешность была очень героической и красивой. С точки зрения внешности, на ком бы он ни женился в этом мире?

Из этого инцидента было видно, насколько сильно император презирал Сяо Шаня.

Конечно, с другой стороны, любой зрячий человек понимал, что император таким образом прокладывает путь наследному принцу Сяо Цзиню.

Сяо Цзинь был старшим сыном императрицы.

Кстати говоря, Сяо Цзинь родился всего на час раньше Сяо Шаня. Их отношения с детства были хорошими из-за их матерей.

Если бы Сяо Шань действительно женился на Се Чжуйе, это означало бы, что семья Се будет втянута в лагерь Сяо Цзиня.

Император любил Сяо Цзиня и, естественно, должен был планировать многое для него.

Гу Жулань, подумав об этом, не могла сдержать слез. Она и Сяо Шань с рождения были из партии наследного принца, и она также надеялась, что наследный принц сможет успешно взойти на трон. Но этот брак был слишком ужасен; при мысли о нем у нее болело сердце, и она была уверена, что Сяо Шаню тоже не нравится этот брак.

Иначе он бы не заболел сразу после издания указа.

Эта болезнь, должно быть, была вызвана гневом.

Подумав об этом, Гу Жулань стиснула зубы и не удержалась, сказав: «Шань-эр, этот брак слишком несправедлив к тебе. Как этот Се Чжуй может быть достоин тебя? Может, нам стоит сейчас пойти к твоему отцу-императору и попросить его отозвать указ?»

Сяо Шань: «...»

Сяо Шань честно сказал: «Сын не осмелится пойти». Указ императора уже был издан, это было решено раз и навсегда. Кто осмелится навлечь на себя такую беду?

Слезы Гу Жулань застряли в ее глазах. Хотя она и говорила грозно, но если бы ей действительно пришлось пойти, она бы не осмелилась.

Она обычно осмеливалась плакать перед кем угодно, но перед императором Сяо Шэном, без его разрешения, она бы не осмелилась пролить ни единой слезы, даже если бы упала в обморок от страха. Когда Сяо Шэн приходил в ярость, люди умирали.

Она помнила, как вскоре после своего вступления во дворец видела, как Сяо Шэн прилюдно казнил дворцовых слуг. Эта сцена осталась у нее в памяти на долгие годы.

«Что же нам делать?» Гу Жулань была немного беспомощна. Подумав, она не удержалась и сказала: «Может, попросим помощи у императрицы и наследного принца?»

В конце концов, это дело было выгодно Сяо Цзиню; он получит военную власть, но из-за него Сяо Шаню придется жениться на опороченном гере...

Сяо Шань взглянул на Гу Жулань и подумал про себя: «Императрица что, глупая? Такое хорошее дело, которое может укрепить власть и положение Сяо Цзиня, она бы всеми силами стремилась к тому, чтобы он немедленно женился на Се Чжуне. Как она могла просить императора отозвать указ?»

Даже он сам не стал бы делать такую неблагодарную работу.

Гу Жулань хотела что-то сказать, но снаружи кто-то доложил о прибытии евнуха Чан Лэ.

Этот евнух Чан Лэ был личным слугой императора и пользовался его большим доверием. Даже наложницы в гареме оказывали ему уважение.

Чан Лэ был обычным на вид, но очень чистоплотным и обладал красивыми глазами. Он всегда улыбался, глядя на кого-либо, казался добрым и дружелюбным. Но кто во дворце или за его пределами осмелился бы хоть немного недооценивать его?

Чан Лэ, войдя в зал, сразу же увидел Сяо Шаня, лежащего на кровати, и опухшие, как грецкие орехи, глаза Гу Жулань. Его лицо даже не дрогнуло, он продолжал улыбаться и сказал: «Ваш слуга приветствует наложницу Лань и Ваше Высочество».

Гу Жулань была слаба, но не глупа. Остановив Чан Лэ от поклона, она охрипшим от плача голосом сказала: «Евнух Чан, вы пришли по приказу Его Величества?»

Чан Лэ улыбнулся и сказал: «Госпожа так мудра. Его Величество узнал, что принц находится у госпожи Жулань, и специально приказал этому слуге пригласить Его Высочество во дворец Цяньмин для разговора».

Одно обращение «наложница Лань», затем «госпожа», а потом это последнее обращение сразу же создавало ощущение большей близости.

Гу Жулань не стала думать об этом, она с некоторым затруднением сказала: «Но Шань-эр болен. Сейчас, наверное, не очень хорошо идти к императору?»

Чан Лэ улыбнулся и промолчал, его глаза были устремлены на Сяо Шаня.

Сяо Шань слушал плач Гу Жулань все утро, и у него все еще болела голова. Теперь, когда появилась возможность, он поспешно сказал: «Евнух Чан, подождите, я переоденусь и пойду».

Чан Лэ сказал: «Тогда этот слуга будет ждать Ваше Высочество у дверей».

Гу Жулань не могла его остановить, ей оставалось только встать и уйти.

Сяо Шань переоделся и отправился с Чан Лэ во дворец Цяньмин.

Прибыв во дворец Цяньмин, Чан Лэ лично открыл дверь и тихо сказал: «Пожалуйста, Ваше Высочество».

Сяо Шань вошел с обычным выражением лица. Не успел он рассмотреть, где находится

император, как его встретил летящий свиток с докладом.

Сяо Шань увернулся и, глядя на бросившего доклад человека, неуверенно позвал: «Отец-император».

Сяо Шэн откинулся на диван и холодно фыркнул: «Что? Ты все еще чувствуешь себя обиженным?» Сяо Шэн в молодости тоже был очень красив, но после многих лет правления его лицо немного потолстело, потеряв черты красоты и приобретя некоторую доброту.

Однако в его глазах, даже в моменты беспечности, всегда чувствовалась суровость.

Сяо Шань сделал два шага вперед и сказал: «Не то чтобы я обиделся, просто у меня еще кружится голова и в глазах двоится. Ваше Величество, если вы бросите этот доклад, вы можете меня оглушить».

Сяо Шэн холодно рассмеялся: «Не из-за брака обиделся? Я слышал, твоя болезнь началась за одну ночь из-за брака? У тебя появилась неприязнь к отцу?»

Услышав это, Сяо Шань нахмурил брови, и его чрезвычайно красивое лицо потускнело.

Он возмущенно сказал: «Не знаю, кто там сеет раздор между отцом-императором и сыном. Отец-император знает характер этого сына. Если бы у меня было какое-либо недовольство, сын бы прямо сказал об этом отцу-императору. Зачем мне посторонние, которые вмешиваются и сплетничают?»

Сяо Шэн запнулся. Он верил словам Сяо Шаня, потому что Сяо Шань всегда так поступал с детства: он жаловался открыто и всегда говорил правду, никогда не прибегая к уловкам.

У него было пять сыновей и четыре дочери, и все они боялись его, кроме Сяо Шаня, который с детства был бунтарем и совершенно не боялся его.

Сяо Шэн хмыкнул: «Раз нет никакой неприязни, значит, ты доволен этим браком».

Сяо Шань: «...»

Сяо Шань взглянул на Сяо Шэна с искренним выражением лица: «Отец-император, это две разные вещи. Доволен ли сын этим браком, зависит от того, насколько красив этот Се Чжуй. Отец-император знает, что мои глаза всегда предпочитают смотреть на красавицу».

Сяо Шэн медленно сжал губы, выражение его лица было недовольным. Если бы Чан Лэ был здесь, он бы и пикнуть не посмел в это время.

Сяо Шань все еще бормотал: «Отец-император, может быть, я сначала тайком взгляну, как выглядит Се Чжуй? Если он красив, я гарантирую, что мои глаза приклеятся к нему...»

«Негодяй». Он не успел договорить, как император наградил его еще одним докладом.

На этот раз доклад упал к ногам Сяо Шаня, успешно прервав его незаконченную речь.

Сяо Шэн не удержался и встал: «Ты думаешь, что брак по указу императора — это детская игра? Даже если Се Чжуй — урод, этот брак не тебе выбирать».

Сяо Шань опустил веки и сказал: «Раз так, зачем отцу-императору спрашивать, доволен ли я?»

Сяо Шэн рассердился до того, что рассмеялся: «Я что, спрашивал твое мнение? Я сообщал тебе результат».

Сяо Шань замолчал, подумав про себя: «Ладно, последнее слово за отцом-императором».

Сяо Шэн, видя, что у него не очень хороший цвет лица, и помня, что он все еще болен, смягчил тон: «Наследный принц предложил тебе взять Се Чжуйа в качестве второстепенного супруга. Если тебе действительно не нравится, можешь просто держать его во внутреннем дворе. Но я подумал, раз уж эта милость ему дарована, лучше дать самое лучшее, всего лишь титул главного супруга. Се Чжуй — умный человек, он не будет легко создавать проблемы. Просто прояви к нему уважение».

Сяо Шань сказал: «О».

Император, видя его в таком состоянии, не мог не разозлиться, поэтому махнул рукой, приказывая ему удалиться.

Сяо Шань, выйдя из дворца Цяньмин, собирался покинуть дворец, в основном потому, что чувствовал, что головокружение усиливается. Сейчас он ничего не хотел, кроме как вернуться и хорошенько выспаться.

Однако вскоре его остановил наследный принц Сяо Цзинь.

Сяо Шань хотел немедленно покинуть дворец, но Сяо Цзинь хотел, чтобы он отправился в Восточный дворец, чтобы поговорить.

Сяо Цзинь хотел объяснить ему текущую ситуацию, он не хотел, чтобы Сяо Шань неправильно его понял. Он мог поклясться, что ни он, ни императрица не знали о том, что Сяо Шань должен жениться на Се Чжуйе.

Сяо Шань смотрел, как его губы двигаются, и наконец не удержался, схватил Сяо Цзиня за руку и воскликнул: «Второй брат...»

Его голос немного дрогнул. Сяо Цзинь подумал, что он тронут, и не удержался, чтобы не ответить: «Третий брат», как вдруг услышал, как Сяо Шань сказал: «Второй брат, у меня кружится голова».

Сказав это, он закрыл глаза и упал.

Испуганный Сяо Цзинь резко изменился в лице, поспешно поддержал его и начал звать людей и императорского лекаря.

Во дворце тут же начался переполох.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282493>